

Поэт некрасовской школы

Я. Г. УХСАЙ

Андрею Николаеву, вернувшемуся из своего первого звездного полета, земляки-журналисты задали вопрос: творчество каких чувашских поэтов ему по душе? Отвечая, он назвал и Якова Ухсая, добавив, что больше всего на свете любит труд и работу.

Не скрывая, что похвала одного из первых героев космоса приятна, Ухсай, как бы сравнивая работу космонавта и литератора, писал впоследствии, что и поэтическое творчество невозможно без трудолюбия, без глубокого изучения человеческих характеров, рожденных и рождающихся в труде и работе. Именно это, а не рифмачество и формалистическое делячество необходимы истинному труженнику пера.

Яркий, самобытный талант, помноженный на упорство и трудолюбие, помог Якову Ухсаю занять достойное место в советской литературе. Он является одним из самых читаемых и почитаемых поэтов Чувашии.

Первое стихотворение «Полюбил я вас, поля» Ухсай написал в семнадцать лет, через год после написания оно появилось в журнале, стало для молодого стихотворца огромным праздником. «Такого восторга, — писал поэт, — не переживал позднее даже в те моменты, когда выходили в свет мои романы и трагедии в стихах».

Много книг издал поэт. Первый его сборник «Стихи» вышел в 1934 году, когда поэту исполнилось двадцать три. Он не побоялся назвать своего первенца так ответственно, ибо это были не рифмованные поделки, а действительно стихи, которые вместе с «Книгой радости», вышедшей двумя годами позднее, принесли молодому поэту известность среди чуваш. К русскому, а через него и к всеоюзному читателю Ухсай пришел с поэмой «Дед Кельбук» — произведением масштабным, народным, которое писалось довольно долго и далось не без труда. Если учесть, что самым любимым его русским поэтом является Н. А. Некрасов, то его крылатые строки «Воля и труд человека дивные дива творят» смело можно поставить эпитафией ко всем книгам Ухсай.

Поэма «Дед Кельбук» — ярчайшее доказательство благотворного влияния Н. А. Некрасова на одного из самых значительных чувашских поэтов. Дело тут не в совпадении каких-то строк, сюжетных ходов, мыслей, хотя и это имеется; Ухсай высказывался решительно против такого толкования. У поэта-творца есть любимые учителя, но он не станет их бездумным подражателем, ибо его творчество питает сама жизнь, а учеба у мастеров лишь помогает самобытному дарованию. Другое дело стихотворцы-рифмачи, которые «преимущественно питаются книгами, не имеют своей орбиты, выбирают одного крупного поэта и кружатся около него, как спутники».

Яков Ухсай не скрывает своих пристрастий, с благодарностью говорит о Некрасове и Твардовском, на

высоких образцах поэзии которых он учился. Он писал: «Если выразиться по-восточному цветисто, то наш национальный лунный свет немыслим без солнечной русской поэзии. Каждое яркое имя, выдвинутое русской поэзией, своим теплом согревает национальных поэтов и без замедления находит своих преемников, талантливых и посредственных, а также, разумеется, и эпигонов. И поэтому нам, национальным поэтам, спутникам русской поэзии, желательно иметь лучезарное влияние».

Такое лучезарное влияние оказал на него прежде всего Н. А. Некрасов. Сошлюсь опять-таки на высказывание самого Ухса: «В школе... я через русские книги переселился в большой мир, беседовал с Пушкиным и Лермонтовым, пел русские песни с Алексеем Кольцовым и Иваном Никитиным. А через некоторое время в нашей молодой библиотеке появился томик Некрасова. Правда, Некрасов на вид мне показался неказистым, а стихи не особенно звучными, но потом он стал моим любимым поэтом... не поэтом горя и тоски, а певцом горячей веры в народную силу... он был и остается для меня блестящим новатором, расширившим рамки русского стихосложения не на основе западной поэтики, а на основе изучения народного творчества».

Учеба у русских мастеров, у классика чувашской литературы Константина Иванова, сыновняя любовь к родному языку помогли Ухсаю говорить доверительно, оброчно, излучать не лунный, а солнечный свет и создать такое значительное произведение, как «Дед Кельбук».

В этой поэме — тринадцать глав, каждая из которых — художественная летопись вековой жизни чувашского народа, его обычаев и труда, бед и печалей, борьбы и побед.

Чего только не пережил дед Кельбук! И крещение с риском для жизни, и не обошедшееся без потасовки участие в выборах деревенского старосты, и сибирскую

каторгу за расправу с кровожадным Сусметом, и издательства белых офицеров и солдат в годы гражданской войны, что не помешало ему, однако, под страхом смерти спасти раненого русского — молодого коммуниста, годы работы хранителем народного добра и после-октябрьское время.

Но в каких бы сложных переделках не оказывался дед Кельбук, он оставался находчивым жизнелюбом, верящим в лучшее будущее. Убедительное тому доказательство — глава «Волшебное кольцо». Поскольку оно волшебное, то и с обладателем кольца, героем поэмы, могут происходить самые невероятные вещи. Почему бы, например, мужику не стать... царем? И он им становится!

Глава эта — одна из лучших в поэме, написана сочно, языком поистине народным. Поскольку у царя остались мужичьи разум и сердце, он и ведет себя как заступник народа-трудолюба, доведенного притеснителями до крайности, просящего нового царя «смилосердствовать»:

А Кельбук-то царь добренек, —
Свой народ — мужичья кость:
Из ларца черпнул он денег
Раз-другой, за горстью горсть,
И, до слез людьми растроган,
Им сочувствуя во всем,
Царь червонцами дорогу
Посыпает, как овсом.

Точно сказано! Не золото, не бриллианты бросает царь на дорогу, как, вероятно, сказал бы самодержец, а понятное народу — червонцы. И совершенно великолепно последняя строка: «Посыпает, как овсом»!

Объездив свое внушительное царство-государство, досконально изучив нужды и мытарства мужиков («неуютно жить на свете безземельным беднякам», без нее, земли-кормилицы, и воля — не воля), царь обнародовал

закон, по которому владельцем всей земли становится трудовое крестьянство.

Вроде бы все сделано! Вот тут-то и заскучал царь-мужик, «жить бездельно» ему совсем ни к чему, от «безделья-окаянства» потянуло в поле, к честному труду, которым добывается хлеб. Хоть мужицкий хлеб и не калач, но дороже его нет ничего, об этом и чувашская поговорка: «Не держи себя выше хлеба», вошедшая во многие книги чувашских писателей. Использовал ее и Ухсай в поэме: «Только помни: «Выше хлеба никогда себя не ставь». Он настолько свято необходим, что поэт готов даже облака засеять хлебом!

Дед Кельбук, как и его друг-приятель Урдемей, человек крепкого здоровья и душевной чистоты, долгожитель, наделенный народной смскалкой и юмором. Он понимает, что «смерть встречать... на перне слаще», но —

Хоть почти и сотня лет,
Все-таки, поверьтс,
Думает о жизни дед
Больше, чем о смерти.

Естественно желание видеть высокое синее небо, ясный звездный свет, ходить по теплой зеленой земле, наконец, съездить в Москву хотя бы на час и — не без лукавники: «Вставить, двух зубов лишась, золотых два зуба». Это — в девяносто два года! Прямо-таки под стать одному из героев Твардовского — деду Даниле, который на сто шестом году жизни подумал: «Если б совесть позволяла, жил бы двести лет».

Поэма написана густо, сочно, просто. А что значит — просто? Некоторые полагают, что простота «наивна и достижима легко, — замечает Ухсай, — но фактически по своей структуре сложна, как организм всякого живого существа. Писать просто и доходчиво, но не снижаясь до примитивизма, труднее, чем писать, подбирая красивые звуки».

Талантливо, просто — значит, по Ухсаю, всемерно приближаться к разговорному языку, который — тоже учитель поэта! Он не устанет учиться у народа, терпеливо постигая его песенное творчество: «Для меня чувашская курная изба в овраге, затерянном где-то в уральских горах, была таким же творческим семинаром, как поэтические семинары в Литинституте».

У всех знакомых мне чувашских поэтов есть стихи о родном языке, есть они у Я. Ухсаю. Для него язык этот — приятный, легкий, как лебяжий пух, светлый и чистый, как горный родник, для дружеской беседы — скованный из лунного света и напоенный песней соловья, а для разговора с врагами — гневный, как бушующее пламя, грозный, как обнаженный меч, язык, слитно звучащий «в мощном дружном хоре с великим, славным русским языком».

В совершенстве владея родным языком, Ухсай желал, чтоб его стихи были по-девичьи нежны и по-мужски мужественны, он не замыкался в стенах городской квартиры, — та, наполненная весенним гамом-гомоном, преображалась, ему казалось, что исчезли стены, становился «полем стол и улицей — скамья», он задышался от вдохновенья, работал, как сам заметил, с высокой, даже «свирепой» требовательностью к себе.

Поэт хорошо знал литературное хозяйство Чувашии, написал обстоятельное исследование творчества Константина Иванова. Ухсай считал необходимой учебу у других поэтов, даже — формалистического толка, наконец, у прозаиков: «Я не написал ни одного рассказа, но в поэтической службе многим обязан прозе Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, А. П. Чехова, С. Т. Аксакова, М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунина».

Учиться — не значит непременно подражать. За полувековую жизнь в поэзии Ухсаю пришлось соприкасаться со многими литературными модами, течениями. Так конструктивизм оставил в памяти «только нарочитые

сравнения, например, что бровь машинистки похожа на подпись директора, что поэт Владимир Луговской является кентавром революции».

Крикливость, кривляние и прочее оригинальничание были в большом ходу, молодому Ухсаю тоже захотелось примкнуть к какому-нибудь течению. Под влиянием стихов С. Кирсанова, имевших геометрическую форму, сложную рифмовку («Если вы были картавы, значит, знали муки рта вы»), Ухсай пробовал тоже сочинять сногшибательно. К счастью, вовремя разобрался, что к чему. Работа в газете на широкого читателя вернула, но его утверждению, «к простому языку, использованию народной мудрости, отказу от формалистической картавости, учебе у классика... Константина Иванова и русских великих мастеров и особенно близкого моей душе Некрасова».

С газетной службой в армии связан курьезный случай, о котором Ухсай вспоминал не без улыбки. Батальон, в котором он служил, стоял около станции Поворино. Военком и начхим батальона разговорились при Ухсае о литературе: «—Хорошо пишет Толстой, — сказал начхим и добавил: — Прочитал «Хлеб». — Да, Толстой молодец, правильный писатель, — подтвердил военком и приказным тоном добавил: — Обязательно прочти «Войну и мир»... «Поскольку из двух Толстых был составлен один, я решил напомнить и о третьем: — Читайте и роман «Князь Серебряный».

За пререканья с начальством рядовой курсант Ухсай получил трое суток гауптвахты. Об этом вскоре узнал комиссар дивизии и тут же назначил Ухсая литературным сотрудником газеты «Родина зовет».

Долгим оказался солдатский путь Ухсая. Он участвовал в битве на Курской дуге, дошел до Праги. В одном из писем ко мне, поздравляя с праздником Победы, Ухсай заметил: «Мне пришлось служить в 31 танковом корпусе, который формировался в Ярославле».

Вспоминая о военных дорогах, поэт писал: «К ору-
жью приучил я руку, привыкшую держать перо», трево-
жился: «Но хорошо ли мы войну доби́ли? Вдруг у нее
подняться хватит сил?». Нашел выразительные строки:

Мир! Я светлей не знаю цели.
Ему, как будто в бой идя,
Я присягнул у колыбели,
В которой спит мое дитя.
(«Слово о мире», перевод Р. М о р а н).

Первое опубликованное стихотворение, как помним,
Ухсай назвал «Полюбил я вас, поля». Как бы итожа
сделанное, он написал художественную автобиографию
«Земля и поэзия», из которой я то и дело извлекаю вы-
писки. Она была опубликована в альманахе «Дружба»
(№ 8, 1970 г., Чувашское книжное издательство), за-
тем, сильно, к сожалению, сокращенной вошла как «Сло-
во о себе» в книгу «Коврига» (издательство «Современ-
ник» 1975 г.).

В автобиографии говорится, в частности, что рабо-
чий кабинет Ухсая «открыт ветрам современности, и
они входят в душу, и душа становится парусом времени.
Поскольку земля была и остается главной темой, мне
хочется, чтобы каждый ее квадратный метр находился
в народной любви и заботах».

Речь идет не только о хлебе. В поэме «На вершине
Гусли-горы» автор рассказывает, как, по заданию Ле-
нина, академик Губкин искал нефть в родных поэту ме-
стах. Подумать только! — там, где стояла отцовская по-
косившаяся избенка, тускло освещаемая по вечерам лу-
чиной, в подспудной глубине, «внизу, в трех тысячах
метрах, спал нетронутый огонь».

Нетронутым огнем была башкирская нефть, «кровь
земная». Она должна служить людям. И люди добыли
ее! Поэт живописует: «Льется мягкая, как масло, и гу-
стая, словно мед».

Поистине, душа поэта — парус времени!

В стихотворении «Размышления за письменным столом» поэт мечтает: «Пусть я хотя б в одкой поэме стою эпохи удивительной моей!» О нашем великом времени Ухсай написал не одну поэму. Некоторые его вещи переведены на русский, в Москве вышел двухтомник избранных его произведений. В них отражены многие черты биографии Чувашии и самого поэта. Можно обильно цитировать автобиографические строки, ограничусь лишь двумя обобщающими четверостишиями:

Как бы ни было мне круто
На изломе тяжких дней, —
Не жалею ни минуты
Жизни прожитой моей.
При военной непогоде
Я, как все, фашистов бил,
Был с народом и в народе, —
И народ со мною был.

(«На вершине Гусли-горы»)

Над переводами поэм Ухсаев работали Е. Исаев («На вершине Гусли-горы» и «Встреча с Чапаевым»), Н. Старшинов («Радуга над Сильбийским лугом»), Н. Чаковский и Л. Пеньковский («Дед Кельбук»), В. Завадский («Коврига»), стихи переводили П. Дружинин, Я. Смеляков, Б. Ирнин, П. Градов и другие. Благодарность им поэта — понятна.

Переводить его трудно. Знаю по себе. Первую мою попытку он встретил не очень-то дружелюбно. Но затем, когда перевел его поэму «Волга», потеплел, прислал построчный перевод еще одной главы, почему-то выпавшей из первоначально присланного текста. Глава эта в поэме о Некрасове и Волге совершенно необходима: речь в ней о В. И. Ленине и его родном городе Симбирске.

Я. Г. Ухсай писал мне, что над поэмой он работал сразу же после того, как перевел на чувашский язык «На Волге» Н. А. Некрасова, взял некрасовский размер. В том же письме он говорил о живых нитях, связываю-

щих чувашскую поэзию с ярославской землей, писал. «Чувашская поэзия росла под сильнейшим влиянием Некрасова. Тот факт, что Константин Иванов перевел стихи не только Некрасова, но и Трефолева, говорит о многом, и может стать предметом умного исследования».

И далее: «Я немного знаком с ярославской поэзией, считаю, по своей земной тяге она талантлива, пожалуй, нашим чебоксарцам в ней много поучительного». Ухсай тепло отзывался, в частности, об А. Иванове и Е. Савинове.

Вскоре Я. Г. Ухсай прислал мне подстрочник (очень точно назвал его народный поэт Чувашии Стихван Шавлы: дословный перевод) еще одной поэмы — «Грозы», с таким письмом: «Когда я учился в МГУ, был у меня друг Иван Смирнов, чуваш. Он хотел быть богатым, учился в геологическом техникуме, поехал в Бодайбо добывать золото. Почти в моей старости нашелся мне друг Иван Смирнов, русский. Спасибо ему, что он, как геолог, роется в чувашской поэзии, ищет что-то. Посылаю тебе подстрочник «Грозы»... Буду удивлен, если в ней найдешь крупинки золота».

«Гроза» создавалась автором в течение нескольких лет. Мне она показалась золотым слитком, работать над ее переводом было трудно и радостно. И это высоко ценит Яков Гаврилович.

Я. Ухсай родился 26 ноября 1911 года в селе Слакбаш Белебеевского района Башкирской АССР. У неграмотного отца было только имя — Гаврил, фамилий многие чуваша тогда не имели. Ухсай — это соединение русского «Ух» и марийского «Сай» — хороший (так назвал его в детстве пастух-мариец). В поэме «Радуга над Сильбийским лугом» Ухсай писал:

И так два слова я сложил в одно,
Взял плужный ключ и прямо у дороги
Я написал, объединяя слог:
«Ухсай!» и в буквы высыпал зерно.
И было то дождливо, то тепло,

То солнечно. И скоро мое имя
Колосьями, как солнце золотыми,
У полевой дороги зацвело.

В один из моих приездов в Чебоксары ко мне в гостиницу рано утром пришел Яков Гаврилович, с творчеством которого я был уже знаком. Тогда меня несколько удивило, что Ухсай, всю жизнь друживший с русскими, трудно говорил по-русски. Но разговор запомнился: Яков Гаврилович вел речь о том, что хорошо бы на многонациональной Волге иметь журнал типа «Дружбы народов». Издаваемая в Саратове «Волга» заменить такой журнал слабосильна.

У Якова Гавриловича в стране было много друзей-товарищей, не случайно в стихах заметил: «По-башкирски говорил я, По-татарски песни пел». Особо дорожил он многолетней дружбой с А. Т. Твардовским, с которым познакомился в 1937 году. При его поддержке впервые напечатался в Москве. Стихи нет-нет да и появлялись в редактируемом Твардовским «Новом мире».

Дружба эта не прошла бесследно и для самого Твардовского: в 1939 году он издал сборник стихов «Сельская хроника», — название позаимствовал у чувашского поэта, с его разрешения. «Сельская хроника» Я. Ухсай вышла двумя годами раньше.

В жизни не было момента,
Чтоб, теряя естество,
Возжелал бы постамента
Для таланта своего.

А работал самозабвенно:

Труд любой всегда мне сладок.
Что ни делаю — люблю,
Чтоб в работе был порядок,
Беспорядка не терплю.

Издал Яков Ухсай свыше шестидесяти книг стихов, поэм, очерков и романов на языках народов СССР и за рубежом. Русскому читателю известны его поэмы

«Дед Кельбук», «Волга», его трилогия «Звезда моего детства», удостоенная Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького.

Ухсай — любимый, самый читаемый, народный поэт Чувашии. А это — надежный постамент для его таланта, отмеченного орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», многими медалями. Он являлся членом обкома КПСС, избирался депутатом Верховного Совета республики. Его имя занесено в Почетную книгу Трудовой славы и героизма Чувашии.

...Заметки о творчестве Я. Ухсай были написаны, рукопись сдана в издательство и ждала своей очереди, но ее пришлось дописывать: из Чебоксар пришло известие; 7 июля 1986 года, на 75-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался Я. Г. Ухсай.

В некрологе, опубликованом газетой «Советская Чувашия», в частности, говорилось: «Творческая и гражданская биография поэта кровно связана с революцией, становлением Советской власти и социалистическим строительством. Значительный вклад он внес в чувашскую художественную Лениниану поэмами «Дорога счастья», «Мечта» и «Симбирск». Лучшие его произведения правдиво отражают целые этапы народной жизни... Писатель постоянно выступал с публицистическими статьями и очерками о дружбе народов и охране природы. Его творчество пронизано высокими идеями партийности и народности. Художественное мастерство, глубокая гражданственность и публицистическая страстность по праву принесли ему любовь и уважение трудящихся республики. Он был самым популярным и любимым поэтом чувашского народа».

Свое имя, а точнее — звучную фамилию, народный поэт Чувашии вписал весомыми словами в золотую книгу, которая называется советская литература.